

АНТРАКТЪ. 34.

Антрактъ выходитъ ежедневно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; позу-
годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб.
сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годная и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего
3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ
вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давы-
дова, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскій театр. — Московскія лѣтнія увеселенія. — Три письма къ редактору. — Смѣсь.
(По поводу комедіи «Мнимый больной». Новая пьеса. «Жизнь за царя» въ Прагѣ. Еще о Судьбѣ. Г-жа
Раабе 2-я. Ольдридъ. Сгорѣвшій театр. Демонстрація. Некрологъ).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ прошлую среду возобновлена на нашей сценѣ и въ первый разъ шла въ новомъ переводѣ еще одна изъ небольшихъ комедій Мольера *Мнимый больной*. Мы смотрѣли еще одну изъ веселыхъ шутокъ французскаго комика, имѣющаго почти характеръ шутки-экспромпта, шутку, написанную чуть ли не для тѣхъ интермедій съ пѣніемъ и танцами, которыя должны слѣдовать за каждымъ ея дѣйствіемъ, шутку, названную поэтому даже *комедію-балетомъ*; мы смотрѣли эту, лишенную всякихъ претензій, кромѣ претензіи развлечь и повеселить зрителей, шутку и имѣли еще разъ случай удивляться необыкновенному умѣнью Мольера, даже и шутки ради, выбирать самые общечеловѣческіе мотивы, его знанію жизни, людей и сцены, его неизсякаемой веселости и наконецъ его искусству съ возрастающимъ съ минуты на минуту интересомъ развивать узкія, по видимому, темы въ широкое дѣйствіе. Съ какою истинно изумительною ловкостью, съ какимъ художественнымъ тактомъ построена, напр., небольшая комедійка его, о которой говоримъ мы здѣсь! Простая, очень обыкновенная и очень свойственная челоѣчеству всѣхъ временъ слабость даетъ содержаніе большой, сложной интригѣ, къ которой привлечены и въ которой принимаютъ самое живое участіе всѣ, *всѣ до единого*, дѣйствующие лица комедіи. Передъ зрителемъ маленькій муравейникъ, который просто кишитъ дѣятельностью и въ которомъ ни одинъ муравей — не лишній, ни одинъ не остается безъ дѣла. Воображаемая болѣзнь главнаго лица, даетъ возможность каждому изъ окружающихъ его прилѣпиться къ этой слабости самыя насущныя интересами; изъ этого пункта, какъ изъ корня, выходятъ всѣ отростки и развѣтвляются въ цѣлое широколиственное растеніе, отъ котораго не урѣжешь ни одной вѣтки, не повредивъ цѣлаго. Воображая себя больнымъ, Арганъ дѣлается пристрастнымъ къ медицинѣ, отсюда — его желаніе окружать себя представителями медицины и имѣть даже доктора затемъ. Это пристрастіе къ медикамъ и это непремѣнное желаніе выдать за медика дочь раздѣляютъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи на двѣ группы, или даже на два враждебные лагеря: одни

(Белина, оба Діафоруса, Пюргонъ, аптекарь и нотариусъ) стараются всѣми силами поддержать причуды воображенія Аргана и его пристрастіе къ докторамъ, и стараются объ этомъ каждый въ своихъ, совершенно особенныхъ видахъ и интересахъ; другія (Анжелика, Беральдъ, Клеантъ и больше всѣхъ Туанетта) употребляютъ всѣ позволительныя и непозволительныя средства, чтобы вывести Аргана изъ его заблужденія и противодѣйствовать его родительской власти. Не приставшею ни къ одной изъ враждующихъ сторонъ остается за тѣмъ развѣ только одна маленькая Луизочка (Louison), но и ту не выкинешь изъ комедіи, потому что и она впутана, хоть и косвеннымъ образомъ, въ интригу. И такъ, въ необширной ни по претензіямъ, ни по объему комедійкѣ изъ двѣнадцати лицъ ея нѣтъ ни одного сколько нибудь лишняго, сколько нибудь пассивнаго; всѣ двѣнадцать, напротивъ, могутъ назваться, по справедливости, лицами *дѣйствующими*, потому что всѣ призваны къ участію въ дѣйствіи комедіи, всѣ являясь только въ силу очевидной необходимости, а не по шущему велѣнію, да по авторскому соизволенію, какъ сплошь да рядомъ видимъ это въ иныхъ разныхъ драматическихъ произведеніяхъ; каждое изъ лицъ мольеровской комедіи занимаетъ по праву принадлежащее ему мѣсто, ни одно не является на сцену для того только, чтобы подать письмо, сказать два, три слова, или заниматься на сценѣ только не идущимъ къ дѣлу словоговореніемъ и ничего недѣланіемъ. Удивительная, мастерская экономія! Къ тому же между всѣми двѣнадцатью лицами нѣтъ ни одного лица безличнаго, на долю котораго выпало бы только одно имя да нѣсколько ничтожныхъ словъ роли; каждое лицо, напротивъ, имѣетъ свое обличіе, свой характеръ, очерченный не всегда одинаково густыми и яркими красками, но обозначенный всегда на столько метко, что не представляется возможности смѣшать одно лицо съ другимъ. Не говоря уже о болѣе выдающихся лицахъ комедіи, даже дукаство и умѣнье влѣзать въ душу нотариуса Дебонфуа сквозить изъ за каждаго его слова и дѣлаетъ изъ него лицо очень живое и даже типичное. А эта маленькая и миленькая Луизочка, съ одинаковою наивностью разоблачающая секреты сестры своей и укоряющая во дни мизинецъ своего папаша, развѣ это не живое до заглядѣнія дитя? Не

смотря однако на характерность всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, ни одно изъ нихъ не заслоняетъ собою другого, ни одно не выдается изъ рамы болѣе, чѣмъ нужно, и равнѣшеніе дѣйствующихъ лицъ по различнымъ планамъ комедіи сдѣлано съ большимъ искусствомъ; необходимая въ этомъ случаѣ перспектива соблюдена въ высшей степени. Всю комедію можно сравнить съ хорошей хромоскопической картиной, въ которой концентрическія окружности, расходясь отъ Аргана, какъ отъ общаго всѣмъ имъ центра, по направленію радіусовъ, снова собираются къ этому центру и какъ бы поглощаются имъ, пріятно поражая глазъ затѣйливою игрою разнообразныхъ колеровъ и линий. Вотъ чѣмъ должны быть истинно художественныя драматическія произведенія, піесы въ настоящемъ смыслѣ. Вотъ въ чемъ должны искать для себя образцовъ разные наши производители, которые отваживаются, незванные и непрошенные, угощать насъ произведеніями своей нищенствующей мысли и всеу напугающагося воображенія, — произведеніями, которыя могутъ называться *піесами* развѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы французскому слову «*піесе*» придавать одно изъ многихъ его значеній, именно значеніе — *штучки*. Да, мы увѣрены: почаше бы ставить такія піесы, какъ эта мольтеровская, и наше домашнее, до нельзя предосудительное и всѣмъ надобвшее *штучкейстерство* скоро утомилось бы и уступило бы свое мѣсто почтенному и серьезному дѣланію. Комедія собралась полонъ театръ зрителей, не смотря на самое раннее время сезона, на августъ мѣсяцъ, видимо поправились публикѣ и имѣла успѣхъ, даже большой успѣхъ: дружными, громкими аплодисментами исполнители были нѣсколько разъ вызваны, по окончаніи піесы. Этотъ успѣхъ, хотя и несомнѣнно неожиданный, тѣмъ болѣе цѣны имѣетъ въ нашихъ глазахъ, что исполненіе было не совсѣмъ въ пользу піесы. Г. Живокинъ не сдѣлалъ съ очень крупнымъ лицомъ Аргана, вовсе не воспользовался тѣми типическими чертами, которыми не попустился Мольеръ на главное лицо своей комедіи. Мы вовсе не видѣли человека, котораго ни на минуту не оставляетъ въ покоѣ мысль о воображаемой имъ болѣзни; вмѣсто этого, мы видѣли, что исполнителя ни на минуту не оставляло желаніе смѣшить каждой фразой, каждымъ словомъ его роли, такъ что даже въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ онъ какъ бы спохватывался, начиналъ охатъ и говорить ослабѣвающимъ голосомъ, въ тонѣ голоса и въ самыхъ оханьяхъ слышалась насмѣшка и желаніе не столько оправдать то или другое положеніе, ту или другую выходку Аргана, сколько подтрунить надъ этимъ положеніемъ, надъ этою выходкою. Въ результатѣ оказалось, что даже въ этихъ немногихъ сценахъ у г. Живокина не выходило *нигила* бодяго, серьезно воображающаго себя больнымъ, а являлся притворный больной, завѣдомо для него самаго прикидывающійся только больнымъ. Какъ ни велико въ насъ уваженіе къ почтенному артисту, какъ ни любимъ мы встрѣчать на афишѣ его, дорогое не для насъ однихъ имя, а на этотъ разъ должны признать, что въ роли Аргана хотѣли бы видѣть г. Шумскаго. За то г-жи Колосова и Васильева прекрасно сы-

грали свои роли. Умная, бойкая, живая, веселая игра первой сдѣлала до нельзя интересною роль Туанетты, иг-жа Колосова окончательно овладѣла изавладѣла на нашей сценѣ типомъ мольтеровской служанки; мы пожелаемъ бы развѣ только нѣсколько побольше степенности, важности, какъ въ походкѣ, такъ и въ движеніяхъ, да нѣсколько побольше измѣненія голоса въ грубый тонъ для сцены переодѣванья Туанетты въ послѣднемъ дѣйствіи. Г-жа Васильева съ большимъ искусствомъ и характерностью передавала притворство Белины въ двухъ первыхъ дѣйствіяхъ комедіи и съ большою искренностью разоблачила это притворство въ третьемъ. Объ исполнителяхъ остальныхъ, менѣе видныхъ и важныхъ ролей комедіи, мы могли бы вообще сказать, что они сдѣлали свое дѣло хорошо, если бы г-жа Никулина съумѣла правдивѣе и горячѣе передать сцену скорби о мнимомъ умершемъ отцѣ и не дала бы этой сценѣ совершенно поблѣднѣть въ сравненіи съ предыдущей сценой, въ которой г-жа Васильева такъ энергично выразила радость Белины по тому же поводу; если бы г. Никифоровъ немного тверже зналъ свою роль и безостановочно обсыпалъ докторскими упреками и проклятіями провинившагося въ послушаніи медицинскихъ предписаній Аргана; если бы г. Кремневъ гораздо громче, а не шепотомъ почти передалъ роль нотариуса; наконецъ, если бы г-жа Добровольская не была нѣсколько велика и выросла для роли Луизочки, почти ребенка, да если бы еще ей разговоръ поменьше отзывался говореніемъ твердо выученнаго урока. Впрочемъ, г-жа Добровольская была все-таки очень мила и, по окончаніи сцены, ее вызвали. — Переводомъ на этотъ разъ мы не очень довольны; онъ отзывался нѣкоторою небрежностью и сдѣланъ какъ будто на скорую; переводчикъ не осялилъ даже прекраснаго и до нельзя разговорнаго мольтероваго языка, и языкъ его перевода по этому вышелъ тяжелъ и мало разговоренъ. Разумѣется, память наша не могла сохранить всѣхъ, часто встрѣчавшихся шероховатостей, но, во время представленія комедіи, ухо наше кололось не объ одинъ неловкій оборотъ, не объ одну не кетати явившуюся въ живой обыденной рѣчи дѣйствующую форму; мы часто слышали фразы въ родѣ фразы Аргана: Не думаете ли вы его опредѣлить ко двору, *припаса* ему мѣстечко... и т. п. Не сладавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ игрою словъ и не желая однако опустить этихъ мѣстъ, онъ оставлялъ ихъ во всей ихъ неприкосновенности; такъ, мы слышали въ его переводѣ французскія слова: *bel le mēge* (въ пріветственномъ обращеніи Оомы Диафоруса), *gumors* (въ рѣчи Пюргона — тогда какъ у насъ слово *gumors* употребляется совершенно не въ смыслѣ *жидкости*, въ какомъ употреблено у Мольера: «*a la feculence de vos humeurs*»). Если дѣлать для русскаго зрителя обязательнымъ знаніе французскаго языка при представленіи въ русскомъ переводѣ мольтеровскихъ комедій, то, стало быть, можно обязывать его и къ пониманію англійскихъ словъ, которыхъ огромное количество пришлось бы въ такомъ случаѣ каждому, даже самому умѣлому переводчику удерживать при переводѣ шекспиров-

скихъ піесъ. Кромѣ того, мы замѣтили нѣкоторые недосмотры, завѣсившіе также отъ переводчика. Такъ, опустивъ интермедію, которая слѣдуетъ у Мольера за первымъ дѣйствіемъ и въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Полишинель, переводчикъ оставилъ заключительныя слова Туанетты: «Мнѣ стоитъ только сказать объ этомъ моему старику Полишинелю», и такимъ образомъ сдѣлать эти слова непонятными для зрителя. Онъ долженъ былъ опустить эти слова такъ же, какъ опустить въ самомъ концѣ 3-го дѣйствія заключительное предложеніе Беральда посвятить Аргана въ докторъ, — предложеніе, которое также не имѣло бы смысла безъ послѣдней интермедіи. Далѣе, во 2-мъ дѣйствіи, послѣ того, какъ Клеантъ изложилъ содержаніе оперы, слѣдуетъ дуэтъ Анжелики и Клеанта, а, по окончаніи пѣнія, Арганъ беретъ изъ рукъ дочери ноты, по которымъ она пѣла, и спрашиваетъ ее: «Гдѣ же тутъ слова, которые ты пѣла? Здѣсь написана только одна музыка!» — Переводчикъ дуэтъ опустилъ, а эти слова опять-таки оставилъ въ устахъ Аргана, да еще заставилъ его взять ноты не у дочери, а у Клеанта, — и вышла изъ всего этого нелѣпость. Безпрестанныя ласкательныя слова мольеровской мамихи и особенно частое въ ея устахъ: «mon petit fils», съ которымъ она относится къ мужу, остались вовсе безъ перевода, тогда какъ у Мольера ни одно слово не мимо молвится, и эти присловья Белины дѣлаютъ еще приторнѣе и характернѣе ея отношенія къ Аргану. Классическія піесы стоятъ большаго вниманія. Дирекція съ своей стороны сдѣлала все, чтобы содѣйствовать успѣху комедіи и обставила ее надежными исполнителями. За такую заботливость и — главное — за желаніе обогащать русскую сцену мировыми произведениями наша публика, конечно, всегда будетъ признательна театральному управленію. Въ этомъ отношеніи московской сценѣ можетъ позавидовать любая русская сцена. Для тѣхъ же господъ (если бы только они и теперь могли отыскаться въ нашей публикѣ), которые не перестаютъ шокироваться непристойностями мольеровскихъ комедій, въ родѣ *примѣательныхъ, клестировъ*, у насъ имѣется наготовѣ одно, очень поучительное и милое зрѣлище: въ прошлый четвергъ, въ Большомъ театрѣ, во время представленія *Орфей въ аду*, г-жа Семенова танцуетъ канканъ и иные (къ счастью, очень немногіе) зрители изъ сидящихъ въ первыхъ рядахъ креселъ и въ бениуарѣ, начинаютъ въ тактъ громко выхлопывать танцовщицѣ и тѣмъ громко выражаютъ свой необычайный восторгъ отъ танца, который правительство нашло нужнымъ запретить даже для увеселительныхъ садовъ. И это ярое заявленіе восторга дѣлается на виду у всей публики, въ присутствіи попавшихъ на этотъ спектакль москвитявокъ, между которыми находятся, можетъ быть, жены, матери, сестры и дочери восторженныхъ хлопочащихъ. Вотъ наши понятія о непристойности!

Въ прошлый вторникъ въ *Жизни за Царя* партію Сабинина, вмѣсто г. Раппорта, пѣлъ г. Владиславлевъ, а въ четвергъ, въ комедіи *Жоржъ Данденъ*, роль Клитандра игралъ, вмѣсто г. Федотова, г.

Александровъ. Обѣ перемѣны сдѣланы совершенно къ выгодѣ піесъ.

МОСКОВСКІЯ ЛѢТНІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

Рѣдко бываетъ въ Москвѣ лѣто лучше, чѣмъ было въ нынѣшнемъ году.

Поэтому московскія лѣтнія гулянья все еще продолжаютъ во всей своей силѣ: и въ Сокольникахъ, и въ саду Брауна, и въ Паркѣ, и въ Нѣмецкомъ Клубѣ, и у Сакса, и въ Зоологическомъ саду. Программа вечернихъ удовольствій на всѣхъ этихъ гуляньяхъ почти одна и та же: одинъ, или два оркестра, фейерверкъ и хожденіе по канату. Что касается до этого послѣдняго удовольствія, то, кажется, будто всѣ канатныя плясуны сговорились собраться въ Москвѣ. И всѣ они называются Блонденами. Который же изъ нихъ настоящій, истинный Блонденъ?

Что касается меня лично, то я не нахожу никакого интереса въ этомъ родѣ искусства и признаюсь, если бы была моя воля, я запретилъ бы эти опасныя представленія, болѣею частію оканчивающіяся несчастными случаями, запретилъ бы въ интересахъ челоуѣчества. Я не понимаю, какъ можетъ челоуѣкъ съ самаго дѣтства употреблять величайшія усилія и каждый день рисковать жизнію для того, чтобы достигнуть искусства въ извѣстной степени безопасно держаться на канатѣ, искусства, которымъ безо всякихъ усилій, по самой природѣ своей, обладаютъ обезьяны. А между тѣмъ еще и въ наше время, на служеніе этому искусству обрекаются сотни дѣтей. Удивительно! Я самъ былъ свидѣтелемъ въ саду Брауна, какъ одна такая несчастная юная жертва жадности, послѣ нѣсколькихъ не удавшихся опытовъ на канатѣ, снова была понуждаема взобраться на верхъ, но со всѣхъ сторонъ раздались крики: «довольно, довольно!» Въ Нѣмецкомъ Клубѣ я былъ свидѣтелемъ не столь челоуѣколюбиваго изъявленія чувствъ. Тамъ канатъ протянутъ высоко надъ циркомъ; подъ канатомъ, съ одной стороны, сидятъ члены клуба, съ другой — избранные, т. е. тѣ, которые, кромѣ платы за входъ, заплатили еще за право сидѣть на нумерованныхъ мѣстахъ. Я находился не въ числѣ избранныхъ, потому что считаю весьма несправедливымъ это двойное взиманіе платы съ публики. За мною помѣщалась какая-то полная дама, громко перебрасываясь своими замѣчаніями съ сопутствовавшимъ ей какимъ-то Петромъ Ивановичемъ.

— Петръ Ивановичъ! А Петръ Ивановичъ! — сказала она, между прочимъ — вѣдь мы дурно сидимъ, прямо подъ канатомъ... Ну, вдругъ пляшущій-то упадетъ, вѣдь прямо на насъ. Поищемте-ка, Петръ Ивановичъ, другаго мѣста.

И она, вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ, пересѣла на конецъ скамейки.

Замѣчаніе этой дамы подѣйствовало и на другихъ сидѣвшихъ около насъ, они слѣдовали ея примѣру и удалились съ середины скамеекъ, такъ что я остался одинъ одинешенекъ. И такъ, что же думали эти господа? Паденіе плясуна съ каната, казалось

имъ легко возможнымъ; они хотѣли только, чтобы оно насъ не обезпечило. Газъ, внизу, въ циркѣ горѣлъ свѣтло, но на верху было темно. Тамъ входилъ на канатъ человекъ. Веревки, прикрѣпленные по сторонамъ къ канату для поддержанія въ немъ устойчивости, были большею частью вѣрены неопытными руками клубскихъ служителей, которые эти веревки съ одной стороны натянули не довольно сильно и равномерно. Объ этомъ кричалъ имъ сверху акробатъ, бывший на канатѣ, и быстро перебѣжалъ на другой его конецъ. Очень возможно, что, если бы веревки съ одной стороны были еще немного меньше натянуты и канатъ пришелъ бы въ движеніе, акробатъ упалъ бы внизъ. Ужасно! Результаты, достигаемые всѣми этими устройствами садовъ, лѣтнихъ гуляній, большею частью самые невыгодные. Тутъ, кромѣ антрепенеровъ, терпѣть и сама публика. Слѣдуя примѣру покойнаго Мореля и при томъ будучи удручаемы такъ же, какъ и онъ, разными монополями, антрепенеры стараются въ одинъ вечеръ собрать нѣсколько разныхъ, дорого стоящихъ увеселеній, расходы на которыхъ часто доходятъ до 1000 р. и болѣе. Эта сумма потомъ падаетъ на публику, которая, въ свою очередь, должна подвергнуться всѣмъ выжиманіямъ изъ нея антрепенерами денегъ; какъ наприм., платѣ за входъ по рублю или по полтора, и кромѣ того еще особенной платѣ по рублю за мѣста передъ тѣмъ, что хоть сколько нибудь стоитъ послушать, или посмотрѣть. За какое-нибудь дурное кушанье приходится заплатить 50, 70 к. и даже цѣлый рубль; за одну порцію плохого чаю—70, 80 коп., за вино—втрое противъ его обыкновенной цѣны и притомъ еще ждать его долгое время, благодаря недостаточности прислуги, и наконецъ очутиться въ самомъ плачевномъ положеніи, если пойдетъ дождь, что со мною и случилось недавно у Брауна. Я заплатилъ за себя и за моего спутника 2 руб. за входъ, а при входѣ въ циркъ все-таки намъ пришлось заплатить еще по 2 р. Мы просмотрѣли часть представленія, какъ вдругъ неожиданно пошелъ дождь. Всѣ бросились со всѣхъ ногъ подъ защиту галлерей, въ которой помѣщался буфетъ. Въ нее устремились сотни народа. Мужчины, женщины, дѣти, толпясь въ пространствѣ, почти не позволявшемъ двигаться, и задыхаясь отъ нестерпимаго жара и табачнаго дыма, дожидались тамъ окончанія дождя. Такъ мы принуждены были оставаться цѣлый часъ; наконецъ дождь пережегилъ, мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы избѣжать того ужаснаго состоянія, въ которомъ находились и, вышедъ изъ сада, попались въ руки неумолимыхъ извозчиковъ, которые пользуются такими случаями, чтобы дать почувствовать публикѣ, какъ дурно для нея, что у насъ нѣтъ таксы на извозчиковъ. Наконецъ, какъ мы ни торговались, намъ удалось нанять извозчика отвезти насъ въ городъ за 1 р. 25 к. с. Цѣлый вечеръ мы не наслаждались никакимъ удовольствіемъ, а между тѣмъ заплатили 6 р. Конечно 6 р. не большія деньги, но истратить ихъ такимъ образомъ не слишкомъ-то приятно. Почти тоже самое повторилось и въ Зоологическомъ саду, когда въ немъ было американское посольство и потому ожидалось многочислен-

ное стеченіе публики. Чай, за который взяли съ насъ 70 к., нельзя было пить, порція сахара была такъ мала, что надобно было потребовать еще другую порцію, т. е. еще два кусочка сахара, за которые надо было заплатить еще 10 коп. сервистекъ, который мнѣ подали, былъ весь изъ жилъ какого-то допотопнаго животного, умершаго, вѣроятно, въ зоологическомъ саду; бѣлье и столовые приборы грязные, прислуга—мало и ко всему этому вдругъ пошелъ небольшой дождикъ и произвелъ ужаснѣйшую на буфетной террасѣ давку, а, при выходѣ даже серьезную опасность отъ стѣсненныхъ экипажей. Мы были въ пятакомъ. Вечеръ намъ стоилъ съ экипажемъ, платою за входъ, ѣдою, виномъ и проч., около 20 р., а *что* же мы наслаждались за эти деньги? Музыку намъ едва было слышно и видно, потому что оркестръ былъ помѣщенъ такъ, что только нѣсколько посѣтителей, занявшихъ передъ нимъ мѣста за часъ до начала, имѣли невыразимое удовольствіе наслаждаться имъ вполне. Что же оставалось прочимъ посѣтителемъ? Фейерверкъ, т. е. дымъ.

Не надо удивляться, что всѣ рассказанныя выше неудобства должны оказывать вліяніе и на расположеніе публики. Представьте, что въ увеселительномъ саду можетъ случиться до 1000 и болѣе гуляющихъ. Замѣтьте, какая тамъ тишина, какое спокойствіе и даже уныніе! А между тѣмъ грусть не въ характерѣ русскихъ или иностранцевъ, въ большомъ числѣ посѣщающихъ эти сады. Эту скуку наводитъ на публику самая прогулка въ подобныхъ садахъ, прогулка, въ которой каждый шагъ оплачивается чуть не рублемъ.

У Сакса все таки лучше, а всего лучше въ Нѣмецкомъ клубѣ. Цѣны—именно на вина—очень умеренныя, столовое бѣлье и приборы очень чисты, прислуга внимательна и вѣжлива, помѣщеніе довольно обширно, а въ домѣ и бесѣдакахъ можно укрыться отъ дождя. Здѣсь чувствуешь себя, какъ дома, а не такъ какъ въ другихъ садахъ; знаешь, къ кому, въ случаѣ надобности, можно обратиться и кому пожаловаться. Мнѣ кажется, что и публика, и содержатели остались бы гораздо довольнѣе другъ другомъ, если бы эти послѣдніе возвратились къ болѣе простой простотѣ въ увеселеніяхъ и большія деньги, которые они тратятъ на канатныхъ плесуновъ, посредственные цирки, дорогіе, и все таки не достигающіе надлежащаго эффекта фейерверки, обратили на доставленіе своимъ посѣтителемъ вкусныхъ и недорогихъ кушаній и напитковъ, хорошей прислуги, омнибусовъ и т. п.

Еще два, три слова о садовыхъ оркестрахъ! Въ нѣмецкомъ клубѣ точно также, какъ и въ зоологическомъ саду, играетъ оркестръ, подъ названіемъ *Лира* и подъ дирижированіемъ г. Тоссеа. Оркестръ этотъ состоитъ изъ музыкантовъ императорскихъ московскихъ театровъ и большею частью изъ оркестра бывшей итальянской оперы, такъ прекрасно составленнаго и направленнаго при Л. О. Львовѣ. Поэтому само собою разумѣется, что исполненіе этого оркестра выдается передъ другими. Оркестръ М. Сакса, съ которымъ онъ играетъ въ своемъ собственномъ саду, уже съ давняго времени пользова-

зается въ Москвѣ хорошою репутаціею. Самого дирижера нельзя упрекнуть въ недостатокъ хорошаго вкуса или опытности. Оркестръ г. Гене, играющій въ Сокольникахъ у Брауна, по числу уступаетъ двумъ первымъ. Не говоря объ оркестрѣ *Лиры*, который, какъ я уже замѣтилъ, весь состоитъ изъ театральныя музыкантовъ, я встрѣтилъ въ обоихъ другихъ оркестрахъ знакомыя, принадлежащія къ театру лица.

М. Э.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

Г. Редакторъ.

Въ послѣднемъ № вашей газеты, въ статьѣ о мольеровской комедіи *Жоржъ Данденъ*, г. Переводчикъ ея, похваливъ постановку и исполненіе комедіи, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Только мнѣ приходится въ голову, можетъ быть, и странный для нѣкоторыхъ вопросъ: не должна ли музыка въ антрактѣ піесы сколько нибудь соответствовать ея духу и содержанию, или безразлично можно играть какую вздумается фантазію и даже мазурку или польку, какъ въ антрактѣ водевиля, такъ и между дѣйствіями какой бы то ни было другой піесы? Не дѣйствуетъ ли музыка на настроеніе зрителей, или, по заведенному порядку, оркестръ играетъ только для того, чтобы играть? Конечно, это дѣло гг. распорядителей, а согласитесь, что скромненькій *pastorale* или простая, но очаровательная *romanessa* не были бы не кстати въ антрактѣ *Ж. Дандена*. Попробуйте піесу изъ русскаго быта обставить французскими или нѣмецкими мотивами, даже обставьте ее хотя и русскими, но не современными дѣйствію мотивами,—увидите, какая выйдет нескладница. Почему бы гг. распорядителямъ не взглянуть на это дѣло посерьезнѣе? Почему бы имъ не заняться разработкою музыки временъ былыхъ и странъ далекихъ? Такой музыкѣ, во многихъ случаяхъ, нашлось бы очень дѣльное примѣненіе.»

Вопросъ г. Переводчика: «не должна ли музыка въ антрактѣ піесы сколько нибудь соответствовать ея духу и содержанию», такъ простъ, что, разумѣется, на него можно отвѣтить только утвердительнымъ да. Было бы болѣе, чѣмъ странно, еслибы гг. распорядители антрактовъ въ этомъ случаѣ ждали только внушенія извнѣ. Напротивъ, я убѣжденъ, что они знали и знаютъ очень хорошо, что музыка антрактовъ должна гармонировать съ дѣйствіемъ піесы, и думаю, что они постоянно, по возможности, заботятся выполнять это. Можно легко убѣдиться въ этомъ, если взять театральныя афиши, на которыхъ каждый день обозначаются музыкальныя Антракты; такъ напримѣръ, если бы г. Переводчикъ потрудились взглянуть хотя на афишу 28 августа, именно того дня, въ который явился его статья въ антрактѣ, то онъ нашелъ бы музыкальныя антракты совершенно гармонизованныя съ піесой: послѣ перваго акта *Видности не порокъ*

сыграна была *Писня* Даргомыжскаго, а послѣ 2-го акта — *Воробыиень*, вальсъ соч. Руднева, стало быть, два совершенно русскія произведенія. Стало быть, гг. распорядители антрактовъ въ правѣ не принимать на свой счетъ сдѣланнаго имъ, хотя и косвенно, упрека.

Въ сущности, я, какъ и всякій, согласенъ съ мнѣніемъ г. Переводчика; въ частности же его замѣчанія я расхожусь съ нимъ и нахожу, что онъ судитъ ошибочно, или что онъ идетъ слишкомъ далеко. Для антрактовъ къ *Жоржю Дандену*, онъ требуетъ «скромненькаго (?) *pastorale*, или простой, но очаровательной (?) *romanessa*»; но такъ какъ г. Переводчикъ требуетъ далѣе, чтобы музыкальныя піесы соответствовали *времени дѣйствія*, то, стало быть, понадобились бы скромненькое *pastorale* или очаровательная *romanessa* эпохи Мольера. Во первыхъ, я нахожу, что главный элементъ въ *Жоржѣ Данденѣ* не есть элементъ пасторали или романески, а совершенная веселость, доходящая даже до крайности. Поэтому я не нахожу неумѣстнымъ для антракта этой комедіи вальсъ или польку, тѣмъ болѣе, что піеса эта, кромѣ имени автора и костюмовъ, не представляетъ ничего, что принадлежало бы одной только извѣстной эпохѣ: обманутый мужъ, хитрая жена, молодой любовникъ, гордая теща и глупый слуга,—это лица, или даже типы, которые принадлежатъ всякому времени. Во вторыхъ, я полагаю, что музыкальныя сочиненія мольеровской эпохи пришлись бы не по вкусу тѣперешней публикѣ. Об времени Людовика XIV и Люлли, отца французской музыки, я думаю, музыка ушла слишкомъ далеко. «*La bande des vingt quatre violons du Roi*»—вотъ все, что составляло тогда музыку во Франціи; къ тому же эти музыканты исполняли только піесы весьма простыя, лишенныя гармоніи и болѣею частью сочиненныя въ Испаніи. Кромѣ того, было бы очень трудно найти манускрипты музыки къ тогдашнимъ *Intermèdes*, *Comedie-et-Tragedie-Ballets*, *Prologues* etc, etc. Гг. распорядители антрактовъ безъ сомнѣнія были бы весьма благодарны г-ну Переводчику, если бы онъ могъ дать имъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой музыкѣ.

М. Э.

М. Г.

Въ № 33-мъ издаваемого вами журнала, въ статьѣ: «Диковинки тверскаго и иныхъ провинціальныхъ театровъ», г. *Провинціальный зритель* замѣчаетъ, между прочимъ: «Нынѣшнимъ лѣтомъ выпало особенное счастье на долю тверскихъ театраловъ. Въ половинѣ лѣта уѣхала изъ Твери одна труппа, въ которой, между прочими сюжетами, находились извѣстные уже московской публикѣ Линовская и Абраменко, дебютировавшіе на московской сценѣ въ простонародныхъ роляхъ. Въ Твери они, вѣроятно, чувствовали въ себѣ болѣе аристократическихъ наклонностей, потому что играли въ драмѣ «Окно 2-го этажа»: Абраменко — графа, а Линовская — графиню.»

Не знаю, выпадало на долю тверскихъ театровъ счастье нынѣшнимъ лѣтомъ или нѣтъ; уѣхала изъ Твери, въ половинѣ лѣта, одна или нѣсколько труппъ,—утверждать не могу; но положительно могу сказать, что ни г-жа Линовская, ни я не находились, между прочими сюжетами, въ этихъ приѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ труппахъ, *аристократическихъ* наклонностей въ себѣ не чувствовали и драмы «Окно 2-го этажа» не играли. Неужели *Провинціальный зритель* правдой пожертвовалъ своему остроумію, или онъ, можетъ быть, перепуталъ время и мѣсы, но только все, выписанное мною изъ № 33-го «Антракта»,—сухая неправда.

Г-жа Линовская и я служили въ Твери, въ труппѣ г. Курдюмова, прошлый зимній сезонъ, который окончился въ воскресенье, 6-го февраля. Послѣ этого г-жа Линовская мая 13-го дебютировала на петербургской сценѣ; съ 27-го мая до 6-го іюля дебютировала на московской сценѣ, а съ 10-го до 29-го іюля играла въ Рязани. Я же—30-го мая дебютировалъ на московской сценѣ, а съ 10-го до 29-го іюля игралъ на сценѣ рязанскаго театра. Ясно, что быть въ Твери нынѣшнимъ лѣтомъ мы не могли. Или, быть можетъ, *Провинціальный зритель* февраль мѣсяцъ, въ половинѣ котораго мы, действительно, уѣхали изъ Твери, причисляетъ къ жаркому лѣту?... Это своего рода *диковинка*!.. Что драма «Окно 2-го этажа» не давалась даже весь зимній сезонъ на тверской сценѣ, это я докажу афишами, которыя у меня хранятся, съ перваго до послѣдняго спектаклей для господъ, подобныхъ *Провинціальному зрителю*. Интересно бы знать, на какихъ данныхъ основывался *Провинціальный зритель*, когда писалъ свои замѣтки, и что онъ теперь скажетъ въ свое оправданіе. Подобную выходку, со стороны *Провинціальнаго зрителя*, я не могу называть иначе, какъ мелочнымъ желаніемъ хвастнуть своими литературными способностями. Вотъ и думаетъ *Провинціальный зритель*: какъ бы это сдѣлать?... Да, чего лучше! Дай, молъ, напишу хоть о тверскомъ театрѣ; вѣдь не пойдутъ справляться: все-ли правда... И начинаетъ *Провинціальный зритель* изощрять свое устроуміе, пишетъ кое-какъ статейку и посылаетъ ее печатать... Честь и слава вамъ, *Провинціальный зритель*! Подвизайтесь въ литературномъ поприщѣ, только не искажайте факты; а то вы такъ хорошо описываете, что я даже не узналъ самого себя, и пришла мнѣ на память извѣстная эпиграмма:

«И кисть его всегда надъ смертными играла:
«Архипа—Сидоромъ, Кузьму—Лукой писала!»
Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Изъ Абраменко.

Р. S. Интересно, *Провинціальный зритель* доставитъ-ли въ редакцію «Антракта» афишу нынѣшняго лѣтняго сезона, на которой значились бы фамилии: г-жа Линовская и г. Абраменко.

Мы надѣемся, что авторъ статьи *Диковинки тверскаго и иныхъ провинціальныхъ театровъ* поспѣшитъ или доставитъ доказательство справедливости его сообщенія, или оговорить и исправить ошибку.

Ред.

III.

М. Г.

Позвольте въ вашей газетѣ сдѣлать небольшое обличеніе, или поправку—назовите какъ хотите. 1-го сентября на московскомъ Большомъ театрѣ, между прочимъ, дана была первая картина четвертаго дѣйствія балета «Сатанилла или Любовь и адъ» и на афишѣ было сказано: «роль Сатаниллы будетъ играть, въ первый разъ г-жа Карпакова 1-я». Извѣстіе о томъ, что г-жа Карпакова 1-я играла роль Сатаниллы въ первый разъ 1 сего сентября—совершенно ложно. Въ первый разъ роль эту и при томъ именно въ этой самой картинѣ этого же самаго акта г-жа Карпакова 1-я исполняла, еще бывши воспитанницею Московскаго Театральнаго Училища, 4 февраля 1864 г., на бенефисѣ танцовщиковъ гг. Соколова и Ермолова. Къ чему же печатать неправду? Вѣроятно подѣлились справить—вотъ и все. Но неужели сама г-жа Карпакова не могла сказать, кому слѣдуетъ, что она роль эту исполняетъ уже не въ первый разъ? А между тѣмъ чрезъ такіе ошибки театральныя афиши перестаютъ быть вѣрными матеріаломъ для будущаго лѣтописца московскаго Театра.

Z.

С М Ъ С Ь.

— Недавно поставленная на нашей сценѣ комедія Мольера *Милый болной* играетъ печальную роль въ жизни ея автора. Она была послѣднимъ его произведеніемъ. Въ день третьяго представленія этой комедіи, по утру, съ Мольеромъ сдѣлался сильный припадокъ влѣдствіе сильной грудной боли, такъ что онъ объявилъ всѣмъ актерамъ, что если не начнутъ спектакль ровно въ четыре часа, то онъ будетъ не въ силахъ играть. Жена уговаривала его успокоиться, отдохнуть.—А что-же станется съ нашими труженниками! Мнѣ было-бы совѣстно оставить ихъ, хотя на одинъ день, безъ хлѣба! (*)—возразилъ Мольеръ и отправился въ уборную одѣваться. Но успія, которыхъ ему стоило, чтобы сыграть роль Аргана, ускорили болѣзнь его. Въ третьемъ актѣ съ нимъ сдѣлались конвульсіи. Его отнесли домой въ улицу Ришелье, гдѣ онъ и умеръ 17 февраля 1673 года.

Одобрена къ представленію литературао-театральнымъ комитетомъ и театальною цензурою *Захочутъ*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. г. Вечеслова.

— 29-го августа на чешскомъ театрѣ въ Прагѣ, въ первый разъ, давалась опера нашего знаменитаго композитора Глинки. Партитуру этой оперы привезъ въ Прагу тамошній купецъ Грубый, бывший нынѣшнею зимою въ Москвѣ. Въ постановкѣ этой оперы на сцену руководителями были Чехи, бывавшіе въ Москвѣ и Петербургѣ и издавшіе *Жизнь за Царя* на русской сценѣ. Костюмы и декорации были

(*) Вотъ въ какомъ бѣдственномъ положеніи находились тогда актеры.

устроены по московским образцамъ. Въ день самаго представленія газета «Narodni Listy» напечатала у себя вкратцѣ содержаніе опернаго либретто, сопровождая его слѣдующими замѣчаніями: «Опера *Жизнь за Царя* составляетъ ту важную минуту въ исторіи славянской музыки, когда чисто-славянское возрѣніе впервые выступило на драматическомъ полѣ вполне самостоятельно и установило твердое начало для славянской оперы всѣхъ временъ. Въ этой оперѣ Глинка стремился приблизиться къ представлявшемуся ему идеалу славянской музыки и дѣйствительно, не подражаніе мотивамъ народныхъ пѣсень производить въ ней на насъ могущее собственное дѣйствіе, но славянской генией, говорящей намъ золотымъ и понятнымъ языкомъ. Глинка чрезъ эту оперу сдѣлался тѣмъ славнымъ основателемъ драматической музыки, который доказалъ, что славяне имѣютъ свою особенную музыкальную рѣчь и что имъ нѣтъ надобности и въ этомъ случаѣ говорить на чужомъ языкѣ. Его могучій генией не завышалъ намъ множества произведеній, но за то каждое изъ нихъ носитъ въ себѣ чутъе истого славянства, выражаетъ славянский духъ, стремящійся къ самостоятельности. Для нашихъ композиторовъ нѣтъ лучшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вызывающаго на дѣятельность примѣра, какъ жизнь Глинки, посвященная одной цѣли—занять въ области специфической музыки совершенно самостоятельное мѣсто для славянскаго племени между всѣми остальными народами. Опера Глинки надолго сдѣлается блестящею и путеводною звѣздой въ нашемъ репертуарѣ, который вообще мало черпалъ изъ обильнаго славянскаго источника. Какими мы, чехи, были до сихъ поръ славянами, когда не заботились о перенесеніи на нашу сцену замѣчательнѣйшихъ произведеній славянскаго духа? Кому у насъ извѣстны прославленные въ исторіи славянскаго искусства имена: Глинки, Верстовскаго, Монюшки, Лисинскаго и т. д.? Признаемся же откровенно въ нашей небрежности въ этомъ отношеніи и встрѣтимъ прямо отъ всего сердца первый достойный хвалы шагъ къ знакомству съ чисто-славянскою оперой.» Самое представленіе, по словамъ всѣхъ пражскихъ газетъ, было исполнено отъ начала до конца удовлетворительно, ибо къ постановкѣ оперы на чешской сценѣ готовились болѣе двухъ мѣсяцевъ. Музыка Глинки понравилась всей чешской публикѣ, между которой въ театрѣ присутствовали многіе изъ членовъ пражской консерваторіи, хотя нѣкоторые почему-то ожидали речитативовъ болѣе, нежели даетъ ихъ сама опера. Изъ ролей больше всѣхъ понравились роли Сусанина и Вани. Декораций русской зимы, Кремля и Царскаго вѣзда были встрѣчены громкими аплодисментами. Последняя сцена послужила даже предметомъ къ чересчуръ шумнымъ выраженіямъ удовольствія. Костюмы были великолѣпные.

(Совр. Л.)

— Въ нашей газетѣ со словъ французской газеты «Progrès de Lyon», напечатано было извѣстіе о смерти извѣстнаго содержателя олимпійскаго цирка Сулье, въ Греціи. Теперь оказывается, что это из-

вѣстіе не болѣе, какъ журнальная утка, какія обыкновенно вылетаютъ изъ французскихъ газетъ, въ особенности лѣтомъ, за недостаткомъ матеріала. Газета Голосъ, въ которой также ошибочно помѣщено было извѣстіе о мнимой смерти Сулье, совершенно опровергаетъ подобную мистификацію слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ въ ея редакцію изъ Москвы, отъ г. Саблера: Въ № 204-мъ «Голоса» отъ 26-го іюля 1866 года, выведена была катастрофа, постигшая труппу волтижеровъ Сулье въ Греціи, при которой будто бы были убиты хозяинъ ея. Извѣстность этой труппы въ Москвѣ по этому несчастію, конечно, поразила публику и въ Москвѣ, и въ томъ числѣ нижеподписавшагося, не столько потому, что онъ часто былъ свидѣтелемъ искусства членовъ ея, но по причинѣ другаго несчастія, постигшаго Сулье. Дочь его, Клементина, по мужу Кин., въ началѣ весны нынѣшняго года лишилась разсудка и представлена была отцомъ и мужемъ для излѣченія въ Преображенскую больницу въ Москвѣ. Признаки болѣзни больной не предвѣщали благопріятнаго исхода, но, не смотря на это и на извѣстіе «Псевдонима» въ фельетонѣ Голоса № 214-й, отъ 5-го августа 1866 года, отрицавшаго возможность излѣченія въ такомъ заведеніи, какъ Преображенская больница, дочь Сулье *тамъ излѣчилась*. Лица, управляющія этимъ заведеніемъ, не мало были озабочены мыслію, куда дѣвать дочь Сулье, послѣ постигшаго его и всю его труппу несчастія, какъ вдругъ, 9-го августа, явился въ больницу самъ мужъ дочери Сулье. Онъ, какъ понятно, обрадовался выздоровленію своей жены и взялъ ее къ себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ намъ, что труппа Сулье *вовсе не была въ Греціи*, что Сулье *живъ и здоровъ*, что члены его труппы *не покидали Россіи*, а собираются давать преставленія во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Главный врачъ Преображенской въ Москвѣ больницы, докторъ В. Саблеръ.

— Въ «Голосѣ» сообщаютъ объ ангажементѣ на петербургскую нѣмецкую сцену молоденькой сестры г-жи Раабе. Положительно увѣряютъ, что артистка эта чрезвычайно мила, отличается миниатюрностью своего роста и очень хорошенькимъ личикомъ. Къ этимъ подробностямъ прибавляютъ, что она составляетъ живой контрастъ съ своей сестрой по цвѣту волосъ, потому что она совершенная брюнетка. Сестра г-жи Раабе ангажирована на роли субретокъ и должна замѣнить г-жу Коргеръ. Ангажементомъ одной этой артистки принужденъ былъ ограничить въ нынѣшнемъ году результатъ своей поѣздки за границу режиссеръ петербургской нѣмецкой труппы, г. Толлеръ. Онъ надѣялся завербовать еще на роли г. Гаазе одного замѣчательнаго актера, исполнявшаго это амплуа во Франкфуртѣ; надежды эти были основаны на томъ, что занятіе Франкфурта пруссаками должно было, по видимому, вызвать прекращеніе дѣятельности тамошней драматической труппы; но этого не случилось. Прусское начальство, хотя и грозило Франкфурту разграбленіемъ, но *разойтись Франкфурт-*

скимъ актерамъ не позволило, и артистъ, котораго надѣялся ангажировать для Петербурга г. Толлертъ, принужденъ былъ остаться во Франкфуртъ, въ силу контракта, связывающаго его еще на два года.

Знаменитый трагикъ Айра-Ольдриджъ, довольный радужнымъ и выгоднымъ для него гостеприимствомъ, оказываемымъ ему въ Россіи, не хочетъ покидать ее, не смотря на приглашеніе директора дрюилленскаго театра въ Лондонъ. Въ настоящее время онъ путешествуетъ по нашимъ западнымъ провинціямъ съ русскою труппою (подъ управленіемъ г. Кастровекаго). Недавно онъ проѣздомъ далъ въ Житомирѣ нѣсколько спектаклей. Не смотря на высокія цѣны театральныя мѣстъ, на представленіяхъ Ольдриджа, въ зрительнѣхъ не было недостатка. Житомирской публикѣ, въ числѣ которой есть очень много евреевъ, болѣе всего понравилось представленіе *Шейлока*. Трагедія эта была повторена три раза; кромѣ того, два раза дана была трагедія *Отелло*.

Въ Константинополѣ сгорѣлъ недавно новый, большой театръ, постройка котораго обошлась въ 10,000,000 франковъ.

31-го августа, въ парижскомъ театрѣ произошла весьма интересная демонстрація. Въ этотъ день давали піэсу нѣкоего г. Гюгельмана, прославляющую успѣхи французскаго посредничества. Но публика рѣшительно ошкарала всѣ шовинистскіе намеки; нѣсколько разъ раздавались даже свистки и шиканье при словѣ «императоръ». Но свистки и шиканье достигли особенной силы, когда актеръ, игравшій роль начальника французскихъ войскъ, произнесъ слова: «Франція не предлагаетъ ничего такого, чего нельзя бы было принять». Въ это время шумъ до того усилился, что оказалось невозможнымъ доиграть піэсу до конца.

Недавно въ Марселѣ произошло довольно серьезное столкновеніе между жителями и вооруженной силой. Воздухоплаватель Годаръ объявилъ

о полетѣ большого шара своего «Орель», собралъ деньги съ 8-ми или 10-ти-тысячной публики и не сдѣлалъ даже ни малѣйшей попытки къ наполненію шара. Публика вышла изъ себя и начала производить безпорядки. Дѣло кончилось тѣмъ, что на мѣсто происшествія прибыли, для водворенія порядка, эскадронъ уланъ и нѣсколько ротъ пѣхоты. При этомъ были убиты на мѣстѣ два человѣка, весьма многіе были ранены.

На дняхъ въ Парижѣ умеръ знаменитый нѣкогда трагическій актеръ *Дезире Рикоръ*, двадцать пять лѣтъ съ большимъ успѣхомъ подвизавшійся на сценическихъ подмосткахъ многіхъ парижскихъ театровъ. Артистъ этотъ такъ горячо любилъ искусство, что очень часто, недовольный исполненіемъ какой нибудь новой роли, оставался послѣ репетиціи совершенно одинъ въ театрѣ, чтобы наединѣ заняться изученіемъ роли. Не рѣдко случалось, что Рикоръ, весь углубленный въ представляемое имъ лицо, совершенно забывалъ объ обѣдѣ и ранній ужинъ въ уборной замѣнялъ ему и завтракъ, и обѣдъ. Строгий къ самому себѣ, онъ былъ безпощаденъ къ своимъ товарищамъ по искусству. Ни что такъ не сердило его, какъ нетвердое знаніе ролей; но при всемъ томъ, не смотря на вспыльчивость своего характера, онъ умѣлъ на столько владѣть собою, что положительна никто не слыхалъ отъ него оскорбительнаго слова и всѣ товарищи охотно слушались его совѣтовъ. Но этому артисту, такъ горячо любившему драматическое искусство, не суждено было умереть на театральныя подмосткахъ. Парализъ на сорокъ пятомъ году жизни лишилъ его возможности свободно владѣть языкомъ, и онъ изъ актера превратился въ натурщика. Всѣ художники Парижа знали старика натурщика. Онъ умеръ отъ третьяго удара, стоя моделью въ мастерской художника. Его прозвали царемъ натурщиковъ, потому что онъ былъ человѣкъ въполнѣ образованный и потеря его для скульпторовъ и живописцевъ въ настоящее время незамѣнима. О сценическихъ его заслугахъ давно уже всѣ позабыли.

Ред. А. Баженовъ. За изд. Ив. Смирновъ. (Ред. на Молчановѣ, въ Голенинскомъ пер., въ д. Дурновой).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ БИНОКЛИ

И ВЪЕРА

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ ВЪ МАГАЗИНѢ

ГОРОДЪ ПАРИЖЪ

Р. ДАРЗАИСА,

на углу Кузнецкаго моста и Петровки, въ домъ Эйхлера.

1—294.

ОРКЕСТРЪ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

БЛЕЗЕ.

Адресоваться въ д. Молчанова, на Покровкѣ, рядомъ съ аптекой Миндера.

4—290.